

Чжань Пинчуань на собственной шкуре прочувствовал мудрость старой поговорки: одна ложь порождает лавину из десяти тысяч новых, которыми приходится её прикрывать.

Его нынешняя легенда трещала по швам. Нелепость его «происхождения», сложности семейного древа и дикая биография родителей довели ситуацию до того, что он мог лишь безмолвно задышаться от возмущения. Неудивительно, что Ланс смотрел на него с таким нескрываемым подозрением.

Однако раскрывать карты было рано. Как один из немногих секретных агентов гильдии «Глаз Демона» и авангард расследования правды о Войне по подавлению мятежа, он не мог позволить себе бросить миссию только потому, что в разгар задания у него внезапно проснулись чувства.

Пинчуанню ничего не оставалось, кроме как отвести взгляд, избегая любопытства Ланса, и подать знак Лю Бо:

— Говори уже!

Тот, до этого не находивший момента вставить слово, сначала замер, а затем, словно очнувшись от транса, выставил два больших пальца вверх:

— Честь! Честь! Невероятная честь!

Старший господин скрипнул зубами. У него зачесались кулаки — так сильно захотелось отвесить Лю Бо пинка. С трудом сдержавшись, он прошипел:

— Я не тебе это сказал! Им скажи!

— А, точно, — спохватился юноша. В его голове промелькнула мысль: неужели великие мастера всегда предпочитают оставаться в тени, уступая право блистать на публике таким, как он?

Лю Бо прочистил горло и, пользуясь природным преимуществом своего типа «сухопутного грызуна», во всю мощь лёгких взревел:

— Да хватит вам ныть! А-а-а!

Этот крик обладал такой пронзительной силой, что присутствующие мигом пришли в чувство. Айсилунь вздрогнул так, что едва не обмочился на месте. Сцепив зубы, он обернулся и свирепо уставился на Лю Бо:

— Ты что, жить надоело, ублюдок?

Но у Лю Бо не было времени выслушивать ругательства. Пользуясь воцарившейся тишиной, он максимально четко и громко провозгласил:

— То, что прошлая попытка провалилась, не значит, что выхода нет! Если дело не во времени, значит, дело в количестве людей! Сами подумайте: в те два раза, когда откат срабатывал, количество вошедших в дверь увеличивалось, верно?

Эта догадка заставила студентов задуматься. Они начали переглядываться.

— Насколько больше людей вошло во второй раз по сравнению с первым?

— Намного больше, почти половина потока.

— Думаю, стоит попробовать. Это всё равно лучше, чем сидеть здесь и ждать смерти.

— У меня предчувствие, что всё дело именно в количестве. Вы заметили? Этот возврат времени — словно награда. Он помогает нам избежать гибели, и чем больше людей мы забираем с собой, тем дальше мы от смерти.

Айсилунь, окончательно запутавшись в этих рассуждениях, просто отмахнулся:

— Что за бред вы несёте? С каких это пор слова какого-то Е-ранга стоят обсуждения?

Однако «посвящённые» больше не принимали Айсилуня в расчёт. В их глазах он был лишь обречённым на гибель упрямым.

Студенты разбились на группы, бурно обсуждая проблему. Главный вопрос заключался в том, как затащить в дверь как можно больше народу. Лагерь «знающих» и «смертников» окончательно раскололись; каждая сторона считала другую идиотами, и договориться по-хорошему было невозможно.

— Сколько ещё людей нам нужно? Может, просто вырубить их и закинуть внутрь?

— Думаю, нужно ещё как минимум десяток. Есть среди нас кто-то с высоким рангом? Сходите и свяжите парочку.

— Очнись! Оба А-ранга на той стороне. Кого ты там свяжешь?

— Давайте так: мы просто покажем им, где дверь. А там пусть делают что хотят, кто-нибудь да

вбежит следом.

— Они не пойдут с нами искать какую-то дверь.

— Может, кто-то пойдёт за ними и укажет путь, когда они начнут драпать?

— Ха! А ты уверен, что сам успеешь сбежать? Ну и иди, если так хочется самоубиться.

— Вот именно. Вдруг та тварь тебя догонит?

Лю Бо уже открыл рот, чтобы сказать, что им нужно как минимум триста шестьдесят три человека, чтобы вернуться в мир за пределами подземелья, но Ланс, слегка наклонив голову, потянул его за руку, заставляя замолчать.

«Самоубийство?»

В голове Ланса молнией вспыхнуло воспоминание о заявлении на смерть Оливера, бывшего сотрудника второго района «Синего Центра». Его сердце кольнуло странное предчувствие, и в мыслях оформилась совсем иная идея.

Чжань Пинчуань покосился на бледную кисть Ланса, лежащую на предплечье другого Альфы.

«Значит, хватаем за руки других Альф, да?»

Ему стоило проявить величие духа, подобающее «законному супругу». Как говорили древние: кто ближе к павильону у воды, тот первым наслаждается лунным светом. И ещё они говорили: пока жива императрица, вы все — лишь наложницы.

Убедив себя в собственном великодушии, Пинчуань успокоился.

Лю Бо, совершенно не подозревая о тайных угрозах, исходивших от соседа, в недоумении уставился на Ланса. Он только собирался объяснить, что время откатаратно количеству людей: первый раз — сто двадцать один человек и один час, второй — двести сорок два человека и два часа. Всего они пробыли в подземелье около трёх часов, значит, сейчас нужно триста шестьдесят три человека.

Однако жест Ланса заставил его послушно проглотить слова:

— Лан-гунсюэ?

Тот всё ещё был укутан в куртку Пинчуаня, но из-за того, что он вытянул руку, полы одежды

разошлись. Ледяной сквозняк подземелья коснулся кожи, и по его шее мгновенно разбежались мелкие мурашки.

«Хм, всё-таки без императрицы никуда».

Пинчуань тут же притянул края воротника, заново укутывая Ланса, и тот даже не подумал сопротивляться.

В этот момент юноша высматривал кого-то в пёстрой толпе студентов. Он даже приподнялся на цыпочки, опираясь на грудь Пинчуаня для равновесия, стараясь разглядеть лицо каждого.

Старший господин, воспользовавшись моментом, приобнял его за талию — такую узкую, что её, казалось, можно было обхватить ладонями. Длинные рыже-коричневые волосы щекотали ему кончик носа.

Внезапно Ланс обернулся и спросил:

— Пинчуань, кто была та девушка, которая первой нашла дверь?

Застигнутый врасплох, Чжань Пинчуань невольно скользнул ладонью по пояснице соседа. Чистый и честный юноша едва не пал до уровня негодяя, пользующегося моментом, чтобы облапать соседа. Пинчуань негромко откашлялся, прежде чем обдумать вопрос.

Он помнил лишь, как кто-то восторженно закричал о появлении врат, после чего все гурьбой бросились туда. Никто не обратил внимания на первооткрывательницу.

Лю Бо и Тан Ли тоже переглянулись в замешательстве.

— Может... может, та, в жёлтом, с двумя косичками? Помню, она была впереди меня, — предположил Лю Бо.

— Нет, — возразил Тан Ли. — Она зашла почти одновременно со мной. Точно не первая.

Все забыли о ключевой фигуре, запустившей отсчёт времени. Странно было и то, что сама эта девушка больше не подавала голоса.

Зрачки Ланса сузились. Кадры из памяти снова замелькали в его духовном пространстве: крики, рыдания, бег, смерть, кровь, мольбы о помощи, падения... Снова и снова — врата, снова и снова — дурнота...

Время. Цифры. Они действительно кратны. Любой, кто заметил бы эту математическую

прогрессию, легко вычислил бы закономерность. Но станет ли Золотая гу-сова с человеческим лицом — создание, порождённое снами Внешнего бога — подчиняться человеческим законам логики?

Числа «121» и «242» — это совпадение или... чейто умысел?

Ланс внезапно осознал, что совершил ошибку. Ему не следовало упоминать эти цифры и уж тем более предсказывать число «363». Прямо сейчас каждое его слово через объективы камер передавалось кому-то неизвестному.

Он разжал пальцы на руке Лю Бо и прошептал:

— Нам нужно провести эксперимент.

Бдительность Пинчуаня мгновенно обострилась, оттеснив мысли о «законном супруге» на второй план:

— Ты думаешь...

Ланс посмотрел на него. Их взгляды встретились, и слова стали не нужны — оба прочитали в глазах друг друга глубокий и тревожный намек. В череде бесконечных циклов они совсем забыли, что камеры на их одежде продолжают работать.

подавив внутреннюю дрожь, Чжань Пинчуань заставил себя расслабиться и усмехнулся:

— Тц. Вы, рыжеволосые, случайно не в лисиц превращаетесь в полнолуние?

Лансу нужно было как-то предупредить Пинчуаня, что они всё ещё в расставленных Сы Хунчэ сетях, но он не мог раскрыть слишком много. Он не хотел, чтобы Пинчуань догадался о его связи со смертью Кловы.

Ему оставалось лишь играть роль лучшего ученика, высказывающего разумные сомнения. Ланс опустил голову и, теребя кончики волос, глухо уточнил:

— Они рыже-коричневые.

Лю Бо переводил взгляд с одного на другого, совершенно не понимая, как тема разговора внезапно съехала на цвет волос.

Тем временем в толпе снова послышался вызывающий голос Айсилуня:

— Забейте на этих психов! За мной, перебьём этих злобных налётчиков!

«Смертники», словно напоказ перед безучастно взирающими «знающими», принялись кромсать монстров. Воздух наполнился свистом и предсмертным визгом тварей. Вскоре пол был завален их белёсыми головами. Айсилунь спрятал когти и холодно бросил:

— Идём. Покончим с той птицей одним махом.

Ту Мо тоже заставил свои мышцы вернуться в норму и с пренебрежением добавил:

— Не хвались раньше времени. Ещё не факт, за кем будет первое убийство Птицы ужаса.

Улыбка Айсилуня стала шире. Буквально вчера он сумел пробудить свою способность первого порядка. словно сами боги помогли ему стать сильнейшим среди первокурсников в этот решающий момент. Он не торопился осаживать Ту Мо — как только они найдут Птицу ужаса, он заставит того заплатить за дерзость!

В этот момент один из «посвящённых» обернулся к ним.

— Эй, просто напоминаю: Айсилунь овладел способностью первого порядка.

Другой студент из того же лагеря с улыбкой добавил:

— Точно. Ту Мо, верно? Скоро тебе перегрызут шею. По-настоящему. Кровь будет хлестать на метр, весь потолок заляпает.

Лицо Айсилуня мгновенно побледнело, а по спине пробежал холодный пот. Его способность первого порядка называлась именно так — «Экстремальный укус»!

Ту Мо бросил на оппонента яростный взгляд. Тщательно скрывая зависть и шок, он процедил сквозь зубы:

— Это правда?

В разговор вмешался ещё один «знающий»:

— Но ты не расстраивайся. Айсилунь скоро к тебе присоединится, и ему достанется ещё больше.

— Это точно. Ему все внутренности выпотрошат, одна окровавленная шкурка останется. Я чуть со страху не помер, когда увидел.

— Его кишки ещё на клюве той твари болтались, а она носилась с ними по залу, как с ожерельем.

Желая сорвать злость, «посвящённые» не скупилась на саркастичные подробности. Им не терпелось довести Айсилуня и Ту Мо до белого каления — ведь те раз за разом становились помехой, провоцируя конфликты между лагерями.

— Чушь собачья! — взбешённо взревел Айсилунь и, выпустив когти, бросился вперёд. В его глазах читалась явная жажда крови.

Смерть в этой линии означала потерю памяти о циклах и превращение в совершенного болвана. Бледные от страха «знающие» поспешили отступить — сражаться с ним им было не под силу.

Ту Мо тоже не хотелось верить в столь позорную смерть. Будучи по натуре подозрительным, он принялся изучать реакцию оппонентов:

— Вы просто хотите стравить меня с Айсилунем, чтобы потом загрести жар чужими руками.

В коридоре снова воцарился хаос. Золотая гу-сова еще не прилетела, а среди студентов уже назревала кровавая расправа.

Кто-то в отчаянии выкрикнул:

— Что нам делать?! Они не верят! Они так и будут лезть на рожон! Неужели мы так и будем застревать в бесконечных циклах?

Тут вперед вышел Сунь Панпан, наследник гильдии Трезубца:

— Если только... Если только кто-то не сможет задержать эту тварь подольше. Помните вторую попытку? Именно благодаря тому, что толпа задержала её, многим удалось добежать до врат.

Ему тут же возразили:

— Ты издеваешься? Тварь выкашивает А-рангов за секунды. Кто сможет её сдержать? И вообще, зная, что ты умрёшь в этой временной линии, кто добровольно пойдёт на такую жертву?

Тот в ярости огрызнулся:

— Тогда нам крышка! Договориться не выходит, силой не взять... Эти олухи всё равно погибнут,

а в следующем круге снова будут мешать нам своими идиотскими выходками!

Айсилунь и Ту Мо уже собирались вести своих людей дальше. Чем больше их пытались остановить, тем сильнее они верили, что впереди их ждёт великая награда. Конфликт зашёл в тупик, из которого не было выхода.

Ланс прекрасно понимал: некоторых людей не переубедишь, пока они не увидят собственный гроб. Он также знал, что единственный, кто способен задержать Золотую гу-сову — это...

Пальцы юноши, скрытые в рукавах чужой куртки, медленно сжались. Ногти впились в ладонь, оставляя глубокие отметины. Однако первым его чувством была не боль, а осознание того, насколько эта куртка тёплая — настолько, что её не хотелось снимать.

Он понимал, что сейчас должен использовать любые средства: лесть, провокацию или мольбы, чтобы заставить Чжань Пинчуаня вступить в бой. Но все эти коварные замыслы, уже подступившие к горлу, словно натолкнулись на преграду. Он не мог вымолвить ни слова.

А вдруг он ошибся? Вдруг Пинчуань погибнет в этой линии, и тот, «прошлый» Пинчуань, не вспомнит, почему отдал ему свою куртку? Ланс сам не понимал, о чем он сожалеет — о такой крошечной, незначительной мелочи.

В этот момент Чжань Пинчуань тихо усмехнулся. С беспечным видом он потянулся, словно готовясь к долгой прогулке:

— Эх. Похоже, кроме меня некому.

Раньше он думал, что смерть — это нечто далёкое, и в мире нет никого, ради кого стоило бы рисковать жизнью. У него была хорошая семья, талант, удача... С такой биографией трудно почувствовать тягу к самопожертвованию. Однако игра должна продолжаться. Только так они смогут выйти. Только так Ланс сможет выйти.

Оказалось, когда выбор встаёт ребром, сердце действует быстрее разума.

В ту же секунду, прежде чем юноша успел всё обдумать, он преградил Пинчуаню путь.

Ланс поднял на него взгляд своих янтарных глаз. Он не сказал ни слова, не пытался его остановить, но его пальцы с возрастающей силой вцепились в футболку на груди Пинчуаня, сминая ткань. Дыхание Ланса стало тяжёлым, грудь часто вздымалась — он едва сдерживал вспышку ярости от собственного бессилия.

Почему это должен быть именно Чжань Пинчуань?

Он мог бы хладнокровно подставить любого другого, заставив его пойти на смерть вместо Пинчуаня. Он был достаточно коварен и расчётлив, чужие жизни для него ничего не стоили. Но...

Чудовище ранга S+ превратило все его хвалёные таланты в жалкую шутку.

Чжань Пинчуань опустил взгляд на свою помятую футболку и заметил, как побелели костяшки пальцев Ланса. Совершенно не заботясь о сохранности одежды, он осторожно коснулся руки соседа, кончиками пальцев прослеживая путь по выступающим венам, словно блуждая в лабиринте.

От щекотки Лансу пришлось ослабить хватку, и краснота на костяшках начала спадать. Но от этого он лишь сильнее нахмурился, а его круглые глаза сузились, обещая скорый взрыв.

Пинчуань не удержался от поддразнивания:

— И кто это у нас тут так злится? Прямо надулся весь. Посмотришь со стороны — решишь, что муженёк на смерть собрался.

Ланс:

— ...

Это было одновременно и раздражающе, и нелепо. Ему захотелось просто развернуться и бросить всё на произвол судьбы.

Внезапно Чжань Пинчуань перестал улыбаться. Совсем тихо и серьезно он произнес:

— Не бойся. Я не умру. Жди меня.

<http://bllate.org/book/15867/1437667>